

ПОДВОДНЫЕ ЛОДКИ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА
В КРЫМСКОЙ ОПЕРАЦИИ 1943–1944 гг.

Жупанин С. О.

соискатель кафедры новейшей отечественной истории КубГУ

BLACK SEA FLEET SUBMARINES
IN THE CRIMEA OPERATION
1943–1944

JUPANIN S. O.

В статье на основе историографического материала рассматривается использование подводных лодок Черноморского флота в Крымской операции (1943–1944 гг.). Подведены некоторые итоги их деятельности.

The article concerns the Black Sea Fleet submarines activities in the Crimea operation (1943–1944). It is based on historiography materials.

Ключевые слова: подводная лодка, Черноморский флот, Крымская операция, Великая Отечественная война.

Keywords: submarine, Black Sea Fleet, the Crimea operation, World War II.

УДК 94(3)

После блокады осенью 1943 г. крымской группировки противника практически все подводные лодки (ПЛ) Черноморского флота (ЧФ) были нацелены на пресечение попыток ее эвакуации морем. В этих целях позиции наших ПЛ были перенесены в район мыса Тарханкут – Севастополь – южный берег Крыма. Подводным лодкам приходилось действовать в более сложных условиях [1]. Напряжение усилилось также из-за ограниченных возможностей ремонтной базы флота. Так, в январе – марте в строю находилось лишь 40 % лодок бригады, а к марту осталось 32 % [2]. Но, несмотря на эти негативные моменты, период с октября 1943 г. по февраль 1944 г. был одним из самых успешных. Следует отметить, что главная «заслуга» принадлежит интенсивности морских перевозок противника на коммуникациях. В течение нескольких месяцев наши подводники имели в 2 раза больше боевых контактов, чем за весь 1942 г.

В означенный период на дно было пущено несколько крупных транспортов врага. 12 ноября 1943 г. ПЛ М-111 уничтожила немецкий транспорт «Теодорих», а 23 ноября лодкой Д-4 было потоплено транспортное судно «Санта-Фе», хотя в некоторых источниках высказывается предположение, что судно, перевозившее боеприпасы, погибло в результате их детонации. Примечательной является атака ПЛ Щ-216 на вражеский конвой 10 февраля 1944 г., в результате которой был потоплен ТР «Петер». Подлодка атаковала при штилевой погоде веером из четырех торпед, две из которых поразили цель. Подобный прием советских подводников свидетельствует о значи-

тельном повышении уровня их мастерства, но подобные случаи являлись единичными и применялись в самом конце войны [3].

Отметим, что оперировать точными цифрами потерь противника от действия наших сил, в т.ч. и подводных лодок, сложно. Здесь сказывается не только фактор неустановленных потерь, но и последствия вольного обращения с цифрами части исследователей, ошибочные представления которых перекочевали в современные работы. Поэтому в них нередко можно встретить информацию, которая не находит подтверждения в источниках. Так, в период осени–зимы 1943/1944 гг., помимо перечисленных выше трех крупных транспортов врага, нашими подлодками были уничтожены 4 БДБ, лихтер «Тира-5» и бывший советский ТР, захваченный противником «Волга-Дон». Помимо этого, ПЛ М-35 был торпедирован болгарский лихтер SNP-1293, который не затонул, но был выброшен на камни и до конца войны не восстановлен. В некоторых источниках его приписывают к погибшим судам. Несколько неприятельских кораблей получили также серьезные повреждения. К ним относится десантная баржа F-418 и охотник UJ-101, который был торпедирован дважды – 23 ноября ПЛ М-35, а через месяц после ремонта – ПЛ С-33 [4]. Таким образом, с октября 1943 по февраль 1944 г. подлодками ЧФ были потоплены 9 (10) судов противника, а 2 повреждены. Заметим, что за 9 месяцев наступательного периода битвы за Кавказ эта цифра была немного больше – 13 потопленных и 2 поврежденных. Но, несмотря на значительные успехи в действиях по нарушению путей сообщения врага, подлодки ЧФ тоже несли значительные потери. В этот период наш флот потерял 6 лодок, 3 из которых (А-3, Щ-216 и Д-4) погибли от глубинных бомб немецких охотников, М-36 подорвалась на немецкой мине, Л-23 была потоплена фашистской авиацией, а Л-25 затонула в результате аварии [5]. Если в первый период вой-

ны большинство наших лодок гибли на вражеских минах, то с середины 1943 г. на первое место выходят другие факторы гибели ПЛ.

В марте 1944 г. началась подготовка к освобождению Крыма. Подводные лодки перестали активно выходить в море (на позициях оставались лишь С-31 и Щ-215). Надо было произвести ремонт, пополнить запасы топлива, продовольствия и боеприпасов, дать отдых экипажам. При подготовке к операции особое внимание обращалось на организацию взаимодействия лодок и авиации, которые рассматривались в качестве главной ударной силы флота по коммуникациям противника. С этой целью штаб флота провел тактическую игру с участием командиров лодок и летчиков авиаполка, который выделялся для разведки. На основании игры разработали специальное боевое наставление по взаимодействию ПЛ с авиацией. С личным составом проводилась усиленная подготовка для отработки тактических приемов. Лодки осваивали залповую стрельбу «веером» и связь с авиацией [6].

11–12 апреля 1944 г. вывели на позиции 5 наших ПЛ. Кроме них в море находились 2 лодки. К концу месяца ввели еще несколько подводных кораблей, их число достигло 13, что составило половину от численности бригады. Эти показатели, безусловно, не считались удовлетворительными и не могли обеспечить выполнение задач, поставленных перед подводным флотом, и явились причиной скромных результатов деятельности ПЛ в операции.

Подлодки базировались на Кавказском побережье: Туапсе, Поти, Очамчира и Батуми. Большая удаленность этих баз от района боевых действий затрудняла использование лодок. Им часто приходилось возвращаться на базу для пополнения боезапаса и топлива. В первые дни операции в море находилось одновременно до восьми лодок, но выдержать такое высокое напряжение бригада не могла. Поэто-

му число одновременно действующих подлодок неуклонно сокращалось и к концу кампании составляло от трех до пяти. Находясь на позициях, лодки производили активный поиск противника методом крейсерства в ограниченном районе. В дневное время они маневрировали на перископной глубине, а ночью – в надводном положении. Командиры старались использовать данные воздушной разведки для выхода на перехват врага. Но это удавалось далеко не всегда. За время операции подводники получили от летчиков 125 донесений, и только в 32 случаях удалось воспользоваться ими для атаки. Низкая результативность наведения связана с неточностью определения места движения конвоев и координатами самой подлодки [7].

В работах по этой проблеме часто можно встретить в качестве иллюстрации подобного взаимодействия одни и те же факты. Например, неоднократно упоминается атака, совершенная М-111 19 апреля, в результате которой был потоплен транспорт. Но этот случай не находит подтверждения в современных каталогах погибших кораблей. Схожая ситуация еще с одной загадочной атакой, на этот раз ПЛ Щ-201. 6 мая она потопила танкер противника. Но как в первом, так и во втором случаях не приводится названия потопленных судов врага. С учетом того, что уничтожение транспорта, а тем более танкера, не подтверждается, то реальность этих побед сомнительна.

В ходе Крымской операции имели место также случаи выхода лодок в атаку по данным, полученным от соседних ПЛ. 12 мая Щ-201, получив радиogramму от М-62 о вражеском конвое, шедшем в Констанцу, успешно атаковала его двухторпедным залпом и потопила ранее поврежденный авиацией ТР «Гейзерикс», шедший на буксире. Хотя по немецкой информации он затонул сам от повреждений. Подобная неопределенность существует и в отношении транспорта «Дуростор», шхуны «Зеепферд». Считается, что они стали жертвами советской А-5, вы-

шедшей 12 мая на перехват конвоя. По другой версии, их уничтожила советская авиация [8]. Надо отметить, что и немецкой информации нельзя безоговорочно доверять.

Стремясь уклониться от встреч с нашими ПЛ, противник часто менял движение своих конвоев, перемещая их то с севера на юг, то наоборот. Чтобы держать вражеское судоходство под постоянным воздействием наших подводных сил, командование флота, руководствуясь директивами наркома Н. Г. Кузнецова, также передвигало лодки из одного района в другой [9]. Этот метод, получивший название «маневрирования заранее обусловленными позициями», давал возможность вести действия на оживленных коммуникациях, что повышало вероятность встреч с целью. При этом командирам разрешалось проявлять инициативу и самостоятельно менять районы.

Подведем итоги действий советских подводников в Крымской кампании. Всего с 11 апреля по 13 мая 1944 г. 13 ПЛ совершили 22 похода. В течение операции лодки имели 52 боевых соприкосновения и произвели 25 торпедных атак. По одним сведениям, ими было потоплено 23 транспорта противника, по другим – 13 и повреждено 3. Но мы нашли подтверждения лишь 7 потопленным и 2 поврежденным судам. В их числе судна «Дуростор» и «Зеепферд», транспорт «Оскаг», лихтер «Эльба-5». К уничтоженным часто относят и ТР «Фредерикс», который на самом деле был только серьезно поврежден и до конца войны его не восстановили. За всю Крымскую кампанию подлодками была потоплена одна БДБ F-130А, которая получила повреждения от авиации, а С-33 добила ее артиллерией (это единственный случай применения ПЛ артиллерии за всю кампанию). В ряде работ на счет наших подводников относят потопление двух немецких охотников за ПЛ UJ-2313 и UJ-2314. Их удалось потопить залпами М-111. Это была первая атака сразу по двум целям. Указания на это содержатся в работах Г. Салова и

С. Богатырева [10]. Подлодки нанесли повреждения 2 кораблям противника: один лихтер SNR-1468 подорвался на mine, выставленной Л-2, а БДБ F-568 была повреждена торпедной атакой Щ-201, причем довольно часто можно встретить сведения, что атаковала «щука» крейсер «Дачия», но попала в баржу. Потери ЧФ за время Крымской операции составили одну ПЛ – Л-6, которая была потоплена бомбами немецкого охотника UJ-115 [11].

Успехи советских подводников на коммуникациях противника в апреле–мае 1944 г. были достаточно скромными. Безусловно, что список из кораблей и судов, приведенный выше, не является исчерпывающим. Современные архивные и подводные изыскания позволяют точнее установить потери на море. Но тем не менее ясно, что роль «основной ударной силы» советские подлодки не сыграли. Главной причи-

ной этого является недостаточность сил для решения этой задачи, проблемы с базированием и ремонтом. Все это не позволило использовать их в полной мере. Следует отметить и недостаточное внимание со стороны командования флота боевой подготовке сил к проведению операций. Поэтому наибольший урон морским перевозкам врага нанесла авиация, которая уничтожила 43–46 кораблей противника. В результате бомбовых ударов на дно отправились и печально знаменитые транспорты «Тейя» и «Тотила», на борту которых находились эвакуируемые из Крыма войска. Без преувеличения можно сказать, что уничтожение этих транспортов стало самым большим поражением противника в морской войне на черноморском театре. «Тейя» и «Тотила» унесли на дно более 7 тыс. чел. [12].

Примечания

1. Русский архив: Великая Отечественная. Приказы и директивы наркома ВМФ [Текст]. – М., 1996. – С. 304.
2. Ачкасов, В. И. Советское военно-морское искусство [Текст] / В. И. Ачкасов, Н. Б. Павлович. – М., 1973. – С. 312.
3. Емельянов, Л. А. Советские подводные лодки в Великой Отечественной войне [Текст] / Л. А. Емельянов. – М., 1981. – С. 111.
4. Платонов, А. В. Энциклопедия советских подводных лодок. 1941–1945 [Текст] / А. В. Платонов. – СПб., 2004. – С. 285.
5. Там же. – С. 267.
6. Золотарев, В. А. Три столетия российского флота [Текст] / В. А. Золотарев, И. А. Козлов. – М., 2005. – С. 540.
7. ВМФ СССР в Великой Отечественной войне. Черноморский флот [Текст]. – СПб., 2005. – С. 360.
8. Елкин, А. А. Затонувшие суда Черного и Азовского морей [Текст] / А. А. Елкин, С. Ю. Курносов. – Тольятти, 2004. – С. 88.
9. Русский архив: Великая Отечественная. Приказы и директивы наркома ВМФ [Текст]. – М., 1996. – С. 313.
10. Богатырев, С. В. Потери флотов противника [Текст] / С. В. Богатырев. – Львов, 1992. – С. 64.
11. Салов, Г. Подводные лодки военно-морского флота в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов (хроника боевых действий). Черноморский флот [Текст] / Г. Салов. – Туапсе, 2005. – С. 267.
12. Елкин, А. А. Указ. соч. – С. 85.